

Виталий АНАНЬЕВ

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ РУСИ С ВИЗАНТИЕЙ И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПОЙ

В петербургском издательстве «Дмитрий Буланин» увидел свет первый выпуск новой серии, носящей название «*Studiorum Slavicorum Orbis*». В ее редколлегию вошли такие видные историки, археологи и филологи, как член-корреспондент РАН И.П. Медведев, член-корреспондент РАН Е.Н. Носов, доктор филологических наук Д.М. Буланин, доктор исторических наук Е.К. Пиотровская, кандидат исторических наук А.А. Турилов и др. К сожалению, редколлегия не сопровождала этот выпуск специальным предисловием, из которого можно было бы понять, каковы основные цели и проблематика данной серии. Вместе с тем сам факт появления новой научной серии не может не радовать.

В первый выпуск вошла монография А.В. Майорова «Русь, Византия и Западная Европа. Из истории внешнеполитических и культурных связей XII-XIII вв.»¹. Новая книга ученого посвящена актуальной проблеме – изучению международных контактов Древней Руси в XII-XIII вв. Основной акцент сделан на исследовании Галицко-Волынского региона, в первую очередь, в период правления князей Романа Мстиславича и Даниила Романовича Галицких.

Международные связи рассматриваются автором на трех уровнях: политическом, династическом и церковном. Следует отметить, что важное место в работе занимает изучение символического пространства репрезентации власти, для чего, кроме письменных источников, автором привлекаются широкий круг памятников художественной культуры, иконографический материал и именослов.

Работа построена по принципу очерков. Отчасти именно такая форма определяет те особенности структуры работы, которые можно было бы признать ее недостатками: нет общего введения к исследованию, которое позволяло бы выяснить методологию автора, источниковую базу и общую историографическую ситуацию; нет и общего списка использованных источников и литературы. Во «Введении» (с. 11–16) к исследованию автор не столько определяет задачи работы, сколько сразу же начинает полемику с оппонентами по поводу отдельных сюжетов, связанных с историей правления галицко-волынского князя Романа Мстиславича.

Тем не менее, такая стратегия может быть признана вполне оправданной, так как, по словам самого автора, в данной работе им была

предпринята попытка «сосредоточить внимание прежде всего на тех фактах внутренней и внешней политики галицко-волынских князей, которые вызывали и вызывают наибольшие сомнения и споры у исследователей и от изучения которых напрямую зависит общая оценка результатов политической деятельности этих правителей» (с. 11).

Вместе с тем, отсутствие общего введения оставляет открытым вопрос о тех принципах, которые лежали в основе объединения очерков в единое целое: например, первая часть работы, «Конституционный проект Романа Мстиславича: происхождение и верификация», несколько выпадает из общей логики исследования, а подробный разбор в данном контексте «Страстей по Татищеву», вспыхнувших в отечественной историографии с новой силой благодаря работе А.П. Толочко, хотя, безусловно, и интересен сам по себе (с. 92–102), но уводит изложение событий несколько в сторону. Включение этого раздела может быть оправдано разве что важностью «конституционного проекта» для общей исторической оценки деятельности князя Романа, а также в контексте внешнеполитических связей галицко-волинского князя (с. 111–126).

Как уже отмечалось выше, рецензируемая работа распадается на три основных тематических блока: истории политических контактов посвящены вторая («Контакты Романа Мстиславича с монархами Европы и Римом») и третья («Византия во внешней политике русских князей») части работы, генеалогическим связям и их воплощению в символическом пространстве репрезентации власти – четвертая («Великая княгиня Романовая...»: дочь византийского императора – жена галицко-волинского князя), пятая («Византия и христианский восток в политическом наследии, реликвиях и именовании русских князей») и шестая («Атрибуты и символы царской власти на Руси в XIII в.») части. Наконец, церковную тематику, намеченную еще во второй части, развивает заключительная, седьмая («Между Римом и Никеей: русские князья и экуменические процессы середины XIII в.») часть.

Разноплановый материал, почерпнутый из письменных источников, данных археологии, истории искусств, вспомогательных исторических дисциплин, а также историографии, объединяется монументальными фигурами двух главных героев книги – галицких князей Романа Мстиславича и Даниила Романовича. Майоров совершенно справедливо отмечает, что «Роман Мстиславич – один из излюбленных персонажей устного народного творчества. Память о нем на протяжении многих веков сохранялась не только на юге, но и на севере Руси, а также в Польше и Литве...» (с. 12). Ему посвящена обширная историография, в том числе специальная монография нашего автора². Привлечение целого ряда малоизвестных источников и внимание к косвенным свидетельствам, казалось бы, хорошо известных источников позволяют А.В. Майорову во многом по-новому осветить целый ряд связанных с ним сюжетов.

Отмечая многочисленные связи Романа Мстиславича с немецкими землями, автор монографии считает, что поход князя 1205 г. был направлен в Саксонию и связан с более общими процессами политической борьбы между Штауфенами и Вельфами, имевшей место в то время. Роман выступил на стороне Штауфенов, поддерживая Филиппа Швабского³. В этом отношении, основываясь на логике, которую можно было бы назвать контекстуальной, А.В. Майоров признает достоверность сообщений Хроники Альберика из шампанского монастыря Трех Источников, предлагающей именно такую трактовку событий 1205 г.⁴

Важным аргументом в пользу достоверности сообщения французского хрониста о целях похода Романа в Европу, опровергающим скепсис некоторых исследователей в отношении этого «экзотического» источника, являются тесные связи французских и польских цистерцианцев конца XII – начала XIII в. Как отмечает А.В. Майоров, все созданные в XII в. цистерцианские монастыри в Малой Польше (в том числе располагавшийся неподалеку от Завихоста, где принял свой последний бой князь Роман, монастырь в Вонхоцке) имели общее происхождение: они были основаны французскими монахами, выходцами из аббатства Моримон – одного из пяти главных монастырей ордена, располагавшегося в местечке Френуа-ан-Бессиньи, ныне входящем в департамент Верхняя Марна региона Шампань-Арденны. Обитель Трех Источников, где подвизался упомянутый хронист Альберик, находилась на берегу той же реки Марны и была ближайшим соседом Моримонского аббатства (с. 149–157).

Как достоверное оценивает автор монографии и сообщение В.Н. Татищева о посольстве, направленном к Роману Римским папой, с предложением королевской короны в обмен на унию. Этот вывод был сделан и в ранее опубликованных работах⁵. Не вдаваясь в подробности, нельзя не отметить, что, по крайней мере, конкретные текстологические наблюдения Майорова за принятым в «Истории Российской» словоупотреблением выглядят убедительнее утверждений его оппонентов (напр. А.П. Толочко) относительно практиковавшегося В.Н. Татищевым приема имитации летописных известий при помощи необычных слов. На широком источниковом материале показано, что слово «проторь», используемое Татищевым и относимое его критиками к числу таких маркеров, является вполне обычным для средневековых источников (с. 171–179).

Не меньшее внимание уделяется автором и восточному направлению внешней политики Романа Мстиславича – его отношениям с Византией. А. В. Майоров доказывает возможность пребывания на Руси бежавшего из Константинополя императора Алексея III Ангела, привлекая к уже утвердившейся в историографии аргументации свидетельство итальянского хрониста второй половины XIII – начала XIV в. Бартоломео дель Фиадони, бывшего епископом Торчелло – горо-

да, тесно связанного с Венецией, жители которого принимали участие в Четвертом крестовом походе⁶.

Автор полагает, что именно Роман Мстиславич был основным военным союзником империи в начале XIII в., и с этим связывает второй поход русских князей на половцев в 1203 г.⁷ Анализ летописного рассказа об этом походе представляет собой один из самых любопытных сюжетов книги (с. 250–263). Кроме того, в работе анализируются практически неизвестные историкам-руси́стам свидетельства византийских авторов XIII–XIV вв. Феодора Скутариота и Ефрема Энийского о военной помощи, оказанной империи русским князем Романом, приводятся их греческий текст и перевод на русский язык (с. 236–249)⁸.

Непосредственно связан с этими военно-политическими событиями и генеалогический аспект исследования. Речь идет, прежде всего, о женитьбе Романа Мстиславича на некоей византийской царевне, которую А. В. Майоров отождествляет со старшей дочерью императора Исаака II Ангела, родившейся еще до его вступления на престол и в детстве отданной в монастырь. Опираясь на сведения Шпейерского синодика, составление которого непосредственно связано с историей брака другой дочери Исаака II, Ирины, ставшей супругой немецкого короля Филиппа Швабского, Майоров устанавливает имя «великой княгини Романовой» – Евфросиния⁹.

Косвенным подтверждением этого могут служить и материалы сфрагистики – обнаруженные в Новгороде печати с изображением святой Евфросинии и сцены Преображения Господня. Весьма убедительной кажется переатрибуция этих печатей как принадлежащих не Евфросинии Полоцкой, а именно Евфросинии Галицкой, а также указание на связь деятельности последней с распространением в Галицко-Волынской Руси культа Преображения (главы 24–25). И, если дальнейшая предлагаемая автором параллель между Евфросинией Галицкой и Анной Далассиной едва ли может быть убедительно доказана, сюжет, связанный с «евфросиньевскими» печатями, безусловно, заслуживает дальнейшей разработки и пристального внимания ученых¹⁰.

Любопытна и увязка с деятельностью «византийской царевны» некоторых хорошо известных науке артефактов, как, например, крест-реликвий с частицей Древа Истинного Креста Господня (хранящийся в соборе Парижской Богоматери)¹¹, евангелие-апракос начала XIII в. (из собрания Государственной Третьяковской галереи) и икона «Собор Иоакима и Анны» (с. 383–389, 411–442)¹². Весьма убедительным кажется и предположение автора о влиянии византийского происхождения Евфросинии на уникальный для Рюриковичей выбор крестильных имен, появившихся в последующих поколениях у представителей галицко-волынской княжеской семьи. Отсылка к общему слову именослова, якобы имевшему место в это время, не объясняет общей тенденции, характерной для этого выбора и связывающей его именно с культурным пространством Византии.

Это, прежде всего, имя *Даниил*, которое впоследствии повторяется в именослове московских князей. Как показывает А.В. Майоров, возникновение такого имени в княжеской среде обусловлено распространением культа св. Даниила Столпника и подъемом интереса к внешним атрибутам столпничества, что сказалось в сфрагистике, а также многочисленных памятниках архитектуры Галицко-Волынской Руси XIII - первой половины XIV в. Благодаря семейным связям галицко-волыньских князей с владимиристо-суздальскими, этот культ распространился в Северо-Восточной Руси и впоследствии в Москве¹³.

Именно происхождением Евфросинии Галицкой, являвшейся дочерью василевса Исаака II, объясняется несколько неожиданный на Руси подъем интереса к столпничеству в княжеской среде. По свидетельству Никиты Хониата, император Исаак проявлял особое покровительство и горячую симпатию в отношении столпников и отшельников, поражая тем своих современников, ведь со времен иконоборчества столпники утратили прежнее влияние на императоров, и это движение постепенно клонилось к упадку.

Византийская агиографическая традиция о святых Данииле Столпнике и Льве Великом Царе, по мнению автора, объясняет связь имен Даниила и Льва среди потомков Романа Мстиславича и Евфросинии. Даниил Столпник был духовным отцом и главным советчиком императора Льва I. Видимо, это обстоятельство и отразилось в паре имен галицко-волыньских князей: отца и сына – Даниила Романовича и Льва Даниловича (с. 443–477). Несомненный интерес представляет трактовка символики имени *Ираклий*, уникального для именослова Рюриковичей, встречающегося только в семье галицко-волыньского князя (с. 478–495)¹⁴.

Параллелью выбору имен может служить и усвоение галицкими князьями определенных атрибутов имперской власти, также ведущих свое происхождение из Византии. К числу последних можно отнести использование образа двуглавого орла, ношение одеяний из оловира (особого типа императорского пурпура), наконец, саму титулатуру – применение в XIII в. к галицко-волыньским князьям титулов «царь» и «самодержец» (главы 34–38)¹⁵. С этим же «византийским следом» связывает автор и некоторые особенности такого хорошо известного памятника средневековой русской книжности, как «Повесть о взятии Царьграда фрягами».

А.В. Майоров разделяет точку зрения тех исследователей, которые наиболее вероятным автором этого произведения признают новгородского боярина Добрыню Ядрейковича (впоследствии архиепископ Антоний). Тесно связанный с галицко-волыньским князем Романом Мстиславичем, Добрыня по его поручению несколько лет провел в Константинополе и был свидетелем разгрома византийской столицы латинянами в апреле 1204 г. Близкими отношениями с галицко-волынь-

ским князем объясняется внимание Добрыни к германскому королю Филиппу Швабскому, сваяку Романа, и роли Филиппа в организации Четвертого крестового похода. Стремление автора «Повести...» снять с германского короля ответственность за разорение Константинополя, а также знакомство с деталями побега к нему царевича Алексея (будущего императора Алексея IV), употребление характерной немецкой лексики указывают на использование русским книжником сведений, полученных от хорошо информированного немецкого источника. Информатором Добрыни, по мнению Майорова, мог быть один из сторонников короля Филиппа, зальцбургский архиепископ Конрад фон Крозиг, участвовавший в осаде Константинополя в 1203–1204 гг. (с. 635–643).

В рецензируемой книге, а также в ряде других работ автора рассматриваются важные с точки зрения традиций восточного христианства и православной культуры связи Древней Руси со Святой землей. В частности, показано участие русских князей в восточной политике византийского императора Мануила Комнина (с. 496–510)¹⁶, широко поставлен вопрос о политическом и духовном значении высокочтимых христианских реликвий для самосознания Древней Руси, а также для других славянских народов и государств (с. 608–631)¹⁷.

В заключительной части работы показано, как византийское наследие Романа Мстиславича и «великой княгини» Евфросинии проявилось во внешней политике их сыновей и внуков – в борьбе Даниила Галицкого за Австрию и попытке его сына Романа Даниловича овладеть престолом австрийских герцогов в 1252–1253 гг. В число главных претендентов на австрийское наследство галицко-волинских князей выводило их родство с династией Бабенбергов по женской линии: Евфросиния Галицкая приходилась двоюродной сестрой австрийской герцогине Феодоре, а бездетный герцог Фридрих II Воинственный был троюродным братом Даниилу¹⁸.

Австрийский узел внешней политики галицко-волинских князей завязался, по-видимому, еще во второй половине 1230-х гг., когда герцог Фридрих Воинственный фактически был отстранен от власти германским императором Фридрихом II. Первоначально намереваясь выступить на стороне своего австрийского родственника, Даниил Галицкий после встречи в Вене с императором Фридрихом II весной 1237 г. перешел на сторону последнего. За это галицко-волинский князь получил от императора денежную награду в размере пятисот марок серебром, а также титул «короля Руси» (*rex Rusciae*). Такие сведения почерпнуты Майоровым из документа, впервые публикуемого им в России, – мандата канцелярии императора Фридриха II от 15 января 1240 г. (с. 656–663)¹⁹.

По мнению историка, византийский (никийский) фактор сыграл существенную роль также в истории коронации Даниила и церков-

ной унии с Римом. Переговоры об этом проходили на фоне более широких политических процессов, инициаторами которых стали папа Иннокентий IV и никейский император Иоанн III Ватац. В обмен на возвращение Константинополя грекам власти Никеи соглашались признать верховенство папы в церковных делах и подчинение ему православного духовенства. В то самое время, когда в Кракове и Холме шли переговоры Даниила с папским легатом Опизо, из Никеи в Рим отправилось полномочное посольство для заключения соглашения об унии Западной и Восточной церквей (вторая половина 1253 г.)²⁰.

Проводником никейских интересов в Галицко-Волынской Руси оставалась мать Даниила Романовича Евфросиния. После многих лет, проведенных в монастыре, она в последний раз появляется на страницах летописи как одно из главных действующих лиц в истории коронации. Союз с Римом сильнейшего из князей Руси был выгоден тогда правителям Никеи, так как способствовал реализации их собственных политических целей. Отказ нового никейского императора Феодора II Ласкаря от уступок папе и взявшего курс на возвращение Константинополя с помощью военной силы незамедлительно привел к разрыву отношений с Римом галицко-волыньских князей (с. 694–708)²¹.

Едва ли могут быть сомнения в том, что новая монография А.В. Майорова привлечет внимание исследователей. Какие-то ее положения получают поддержку ученых, другие будут поставлены под сомнение как недостаточно обоснованные. То и другое – закономерные следствия историографического процесса. Во всяком случае, активное обращение не только к отечественной, но и зарубежной историографии, а также к широкому кругу источников, часть из которых прежде почти не привлекала внимания большинства российских медиевистов, делают работу важным этапом в развитии наших знаний о международном положении и культурных связях Руси XII–XIII вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Майоров А.В.* Русь, Византия и Западная Европа. Из истории внешнеполитических и культурных связей XII – XIII вв. СПб., 2011.

2. *Майоров А. В.* Галицко-волинський князь Роман Мстиславич: володар, воїн, дипломат. Біла Церква, 2011. Т. 1-2.

3. См. также: *Майоров А. В.* Поход Романа Мстиславича 1205 года: в Саксонию или в Польшу? // Вопросы истории. 2008. № 11. С. 36-48.

4. См. также: *Майоров А.В.* Из истории внешней политики Галицко-Волынской Руси времен Романа Мстиславича // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2008. № 4 (34). С. 78-96.

5. *Майоров А.В.* Рассказ В.Н. Татищева о посольстве Римского папы к галицко-волыньскому князю Роману Мстиславичу: происхождение и атрибуция // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 2010. Т. XXXI. С. 267-281.

6. См. также: *Майоров А.В.* Известия Длугоша и Густынской летописи о посещении византийским императором Алексеем III Галича в 1204 году // *Prosperice sed respice: проблемы славяноведения и медиевистики. Сборник научных статей в честь 85-летия проф. В.А. Якубского.* СПб., 2009. С. 71-116.

7. *Майоров А.В.* Рассказ Никиты Хониата о русско-византийском военном союзе в начале XIII века // *Русские древности. Сборник научных статей. К 75-летию проф. И. Я. Фроянова.* СПб., 2011. С. 164-181.

8. См. также: *Майоров А. В.* Маловідомі грецькі джерела з історії русько-візантійських відносин початку XIII століття: текст, переклад, коментар // *Записки Наукового товариства ім. Шевченка.* Львів, 2010. Т. 260. Кн. 2. С. 243-248.

9. См. также: *Майоров А.В.* Дочь византийского императора Исаака II в Галицко-Волынской Руси: княгиня и монахиня // *Древняя Русь: вопросы медиевистики.* 2010. № 1 (39). С. 76-106.

10. См. также: *Майоров А.В.* Печать Евфросинии Галицкой из Новгорода // *Древняя Русь: вопросы медиевистики.* 2011. № 2 (44). С. 5-25.

11. *Майоров А.В.* Византия, Польша, Венгрия и Галицко-Волынская Русь: откуда происходит крест Мануила собора Парижской Богоматери // *Україно-угорські етюдії / Відп. ред. Л. В. Войтович.* Вип. 1. Львів, 2010. С. 91-117.

12. *Майоров А.В.* Древнерусское рукописное евангелие апракос из собрания Государственной Третьяковской галереи: к вопросу о датировке и атрибуции // *Вопросы музеологии.* 2010. № 1. С. 160-166.

13. *Майоров А.В.* Даниил Галицкий и начало формирования культа св. Даниила Столпника у Рюриковичей // *Древняя Русь: вопросы медиевистики.* 2011. № 4 (46). С. 32-51.

14. *Майоров А.В.* О происхождении и символике имени князя Ираклия Даниловича // *Вопросы истории.* 2011. № 3. С. 110-121.

15. См. также: *Майоров А.В.* Царский титул галицко-волынского князя Романа Мстиславича и его потомков // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2009. № 1-2. С. 250-262.

16. См. также: *Майоров А. В.* Между Новгородом и Аскалоном: из истории внешнеполитических и культурных связей русских князей со Святой землей во второй половине XII века // *Вестник Удмуртского университета. Серия: история и филология.* 2011. Вып. 1. С. 10-18.

17. См. также: *Майоров А.В.* Восточнохристианские реликвии и идея «переноса империи»: Византия, Балканы, Древняя Русь // *Религиоведение. Научно-теоретический журнал.* 2011. № 1. С. 17-24.

18. *Майоров А.В.* Даниил Галицкий и Фридрих Воинственный: русско-австрийские отношения в середине XIII в. // *Вопросы истории.* 2011. № 7. С. 32-52.

19. См. также: *Майоров А.В.* Неизвестный факт биографии Даниила Галицкого // *Rossica antiqua.* 2010. № 2. С. 140-148.

20. *Майоров А.В.* Первая уния Руси с Римом // *Вопросы истории.* 2012. № 4. С. 33-52.

21. См. также: *Майоров А.В.* Апостольский престол и Никейская империя во внешней политике Даниила Галицкого // *Rossica antiqua.* 2011. № 1 (3). С. 60-99.